

О. Н. Трубачев

Труды
ПО ЭТИМОЛОГИИ
Слово · История · Культура

Том 1

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2004

ББК 81.2
Т 77

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского государственного гуманитарного фонда
(РГНФ)
проект № 03-04-16307

Трубачев О. Н.

Т 77

Труды по этимологии: Слово. История. Культура. Т. 1. — М.:
Языки славянской культуры, 2004. — 800 с. — (Opera etymologica.
Звук и смысл).

ISBN 5-9557-0048-2

Книга выдающегося ученого-слависта академика О.Н.Трубачева «Труды по этимологии» содержит более ста его работ, список которых составил (еще при жизни автора) один из его учеников А. Г. Григорян. Первоначально этот проект показался Олегу Николаевичу невыполнимым: разбросанные по разным отечественным и зарубежным источникам статьи (практически за 50 лет научной деятельности) найти и собрать воедино действительно было далеко непросто. Тем более приятно осознавать, что приложенные усилия не оказались напрасными. В процессе работы проект содержания будущей книги был значительно расширен с ориентацией на более полный охват фундаментальных для славистики и вообще для современного языкознания проблем, которые рассматривались ученым на фоне этимологического анализа колоссального лексического материала. С учетом этих проблем формировалась и рубрикация публикуемых статей. Бесценные по своему научному значению труды, собранные в двух томах настоящего издания, далеко не исчерпывают всех работ ученого в данной области, но в то же время дают представление о взглядах автора на решение важнейших проблем славянской этимологии, исторического языкознания и понимание культурно-исторического значения этимологических исследований.

Для лингвистов, филологов, историков, преподавателей филологических факультетов вузов, а также для всех интересующихся историей слова.

ББК 81.2

Outside Russia, apart from the Publishing House itself (fax: 095 246-20-20 c/o M153, E-mail: ko-shelev.ad@mtu-net.ru), the Danish bookseller G•E•C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavica@gad.dk) has exclusive rights for sales of this book.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки славянской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G•E•C GAD.

ISBN 5-9551-0048-2

9 785955 100487

© О. Н. Трубачев, 2004

© Языки славянской культуры, 2004

ОГЛАВЛЕНИЕ

Слово о Трубочеве (<i>В. Н. Топоров</i>)	9
Вместо предисловия. О настоящем (Слово, сказанное по случаю торжества жизни)	12

Часть 1.

Принципы этимологических исследований

Задачи этимологических исследований в области славянских языков	25
Этимологические исследования	36
Этимология и текст	54
Этимология	61
Этимологические исследования и лексическая семантика	64
Этимология славянских языков	99
Реконструкция слов и их значений	107
Приемы семантической реконструкции	123
Славянская филология и сравнительность. От съезда к съезду	154

Часть 2

Этимологическая лексикография

Памяти К. Буги: К 30-летию со дня смерти	191
Принципы построения этимологических словарей славянских языков	192
Лингвистическая география и этимологические исследования	211
К вопросу о реконструкции различных систем лексики	240
О составе праславянского словаря (Проблемы и задачи)	260
О составе праславянского словаря (Проблемы и результаты)	298
«Молчать» и «таять». О необходимости семасиологического словаря нового типа	311

Лексикография и этимология	319
Словообразование, семантика, этимология в новом «Этимологическом словаре славянских языков». 1—3	339
Этимологический словарь славянских языков и Праславянский словарь: (Опыт параллельного чтения)	350
Этимологические исследования восточнославянских языков: Словари	365
Из работы над русским Фасмером: К вопросам теории и практики перевода	379
Die urslawische Lexik und die Dialekte des Urslawischen	392
Историческая и этимологическая лексикография	406
Праславянская лексикография	422
О семантической теории в этимологическом словаре: Проблема омонимов подлинных и ложных и семантическая типология	441
Послесловие ко второму изданию «Этимологического словаря русского языка» М. Фасмера	453
Праславянская ономастика в «Этимологическом словаре славянских языков». Вып. 1—13	464
Регионализмы русской лексики на фоне учения о праславянском лексическом диалектизме	472
Этимологическая лексикография и история культуры	483
Славянская этимология вчера и сегодня	493
Синхрония, диахрония — und kein Ende...: Маргиналии к конференции по русскому историческому словообразованию (Звенигород, осень 1989 г.)	511
Маргиналии к новому «Этимологическому словарю древнеиндоарийского языка» М. Майрхофера	522
Праславянское лексическое наследие и древнерусская лексика дописьменного периода	538
Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд	561
Из работы над ЭССЯ 26	569

Часть 3.

Славянская и индоевропейская этимология

Славянские этимологии 1—7	581
Славянские этимологии 8—9	599
Slawische Etymologien 10—19	603
Slawische Etymologien 20—23	618
Славянские этимологии 24—27	623
Славянские этимологии 28: Болгарское диалектное <i>ма́кя</i> 'скот'	632

Славянские этимологии 40: слав. <i>gotovъ</i>	635
Славянские этимологии 41—47	639
Наблюдения по этимологии лексических локализов	
(Славянские этимологии 48—52)	649
К этимологии слова <i>собака</i>	673
Из истории табуистических названий (1958)	684
Еще раз об этимологии слова <i>росомаха</i> (1960)	693
Следы язычества в славянской лексике: 1. <i>trizna</i> , 2. <i>pěti</i> , 3. <i>kobъ</i>	694
Три литовских этимологии: 1. <i>kaktà</i> , 2. <i>šiàudas</i> , 3. <i>lopšỹs</i>	709
Из истории названий каш в славянских языках	714
Несколько русских этимологий: <i>бардадым</i> , <i>будоражить</i> , <i>норка</i> , <i>околоток</i> , <i>харя</i> , <i>худощавый</i> , <i>шушун</i>	745
О племенном названии <i>уличи</i> (1961)	756
О праславянских лексических диалектизмах сербо-лужицких языков	762
[Рецензия на книгу:] <i>Fr. Sławski. Słownik etymologiczny języka polskiego.</i> Т. II, zes. 2(7). <i>Kaznodzieja—klimkować</i> . Kraków, 1961	781
[Рецензия на книгу:] <i>Słownik starożytności słowiańskich. Encyklopedyczny</i> <i>zarys kultury Słowian od czasów najdawniejszych / Pod redakcją</i> <i>W. Kowalenki, G. Labudy i T. Lehra-Spławińskiego. T. I, część 1: A—B.</i> Wrocław; Warszawa; Kraków, 1961. XII + 216 s.	783
Заметки по старославянской этимологии: <i>боляринъ</i> , <i>врачь</i>	786
Этимологические мелочи	794

СЛОВО О ТРУБАЧЕВЕ

Олег Николаевич Трубачев — целая эпоха в языкознании, но и более того в сфере гуманитарного знания второй половины XX века. Сделанное им огромно и всегда на высочайшем уровне. С самых первых трудов Трубачева стало понятно, с ученым какого уровня мы имеем дело. О масштабе его научного дарования можно было судить по кандидатской диссертации Олега Николаевича, защищенной в 1956 и поразившей специалистов (увы, тогда немногочисленных!) своей широтой, заявившей о себе уже в самом названии ее — «История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя», изданной как монография в 1959 году. Само соотнесение терминов родства и терминов общественного строя было новаторским шагом, как и само слово «История» в заглавии монографии.

Олег Николаевич действительно был историком не в меньшей степени, чем лингвистом и, кажется, это обстоятельство не было замечено сразу. А ведь он был историком Божьей милостью, и историческая доминанта присутствовала во всем объеме, им написанного: он был историком и в лингвистике, и когда он писал о терминах родства и общественного строя или о ремесленной терминологии, когда обращался к этнонимии, антропонимии и топонимии, когда он открывал и блестяще открыл присутствие древнего индо-арийского субстрата на юге России, открыв до тех пор неизвестную страницу в истории только еще имеющей стать будущей России. И, может быть, самое замечательное в этом то, что он не просто хорошо знал историю и применял, когда нужно, свои знания, но то, что нечто пребывавшее в пространстве «внеисторического» он преформировал таким образом, что оно оказывалось в плотном и историческом контексте.

Но так же он своим примером преформировал то, что можно было бы называть «российской» этимологией, часто непрофессиональной, случайной, от

случая к случаю и занимавшее далекое от центра лингвистических интересов положение. И сейчас, столетия спустя, этимология в России имеет весьма прочные корни и нет сомнения в ее надежном будущем. Этимологические труды Трубачева были той колыбелью, завязывалось достойное будущее этимологии.

И все-таки не только труды и исследования Олега Николаевича формировали этимологию дня сегодняшнего. Он отнюдь не пренебрегал и тем, что можно назвать организационной работой в области этимологии. В 1936 году был учрежден ежегодник «Этимология», вступивший уже в четвертое десятилетие своего существования. Олег Николаевич был разработчиком проекта и пробных статей «Этимологического словаря славянских языков», первый выпуск которого появился в 1974 году, а сейчас их уже 30 и успешно продолжается усилиями коллектива, созданного и подготовленного к ответственной и самостоятельной работе Трубачевым, и можно надеяться, что словарь успешно достигнет финиша, хотя для этого понадобится еще полтора десятка или около того выпусков. Потеря Олега Николаевича, конечно, невосполнима, и поэтому сейчас коллектив ЭССЯ, как никогда, нуждается в поддержке и помощи. Это было бы лучшим из того, что можно сделать в память инициатора, организатора и автора огромного большинства статей этого словаря.

За отпущенный ему век Олег Николаевич сделал исключительно много — фундаментальные монографии, каждая из которых была большим событием, сотни научных статей, докладов, рецензий. Наконец, ему принадлежала инициатива перевода «Этимологического словаря русского языка» М. Фасмера (с дополнениями, внесенными Трубачевым) и перевод всех четырех томов. А ведь сделать этот перевод мог бы и другой лингвист, знающий немецкий язык, но характерно, что ответственность за «русского» Фасмера взял на себя Трубачев — с раннего утра до обеда переводил с листа, одновременно печатая перевод на пишущей машинке, а с пяти часов садился со своим соавтором писать другую монографию, требовавшую большого труда. В половине одиннадцатого (ни раньше, ни позже) работа кончалась.

Геродота греки называли «отцом истории», хотя и до Геродота были известны тексты, содержавшие информацию исторического характера. В этом смысле и Олега Николаевича Трубачева смело можно было бы назвать «отцом русской этимологии» в ее предельно полном виде, осуществившем тотальный подход к этой области знания и исследуемому экземпляру. И именно в этом пространстве и на этом уровне так тесно и органично сплетаются тайны человека и им познаваемого мира явлений, в отношении которого человек и этимолог выступают, по сути дела, как ономаст, не только дающий всему имени, но и познающий самого себя в зеркале имен.

Начинающееся издание этимологических трудов Трубачева — последний дар его нам, за которым будет следовать благодарность всех, кто будет проходить обряд посвящения в тайну формы и смысла, в тайны слов и в тайну Слова. По ступеням этого познания нас будет вести великий проводник Олег Николаевич Трубачев.

В. Т.

Часть I

**ПРИНЦИПЫ
ЭТИМОЛОГИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ**

ЗАДАЧИ ЭТИМОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ОБЛАСТИ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

Целью настоящего доклада является освещение задач этимологических исследований славянских языков в плане анализа состояния данной науки в нашей стране. Однако вместе с тем целесообразно вынести на обсуждение целый комплекс проблем этимологического исследования славянских языков.

Идеальные условия для этимологического исследования заключаются в наличии хороших этимологических словарей исследуемых языков, далее — подробных исторических словарей и словарей диалектной лексики, а также полных материалов по географии слов. Думается, что первым из перечисленных условий по праву может считаться наличие хорошего этимологического словаря соответственно русского, украинского или белорусского языка. В настоящем докладе нас в первую очередь интересуют вопросы, связанные с этимологизированием материала славянских языков Советского Союза. Тем не менее пока что приходится констатировать печальный факт отсутствия каких бы то ни было этимологических словарей для двух из трех восточнославянских языков. Не случайно поэтому работа на данном этапе без таких словарей создает впечатление, что вершиной достижений этимологических исследований представляется подготовка в будущем этимологического словаря того или другого языка. В действительности это не более как объективное свидетельство младенческих пока еще возможностей этимологии этих языков. Появление этимологического словаря — это лишь начало настоящего этимологического исследования лексики данного языка. Именно на примере русской этимологии, если брать примеры наиболее нам близкие, мы можем убедиться, что наличие в распоряжении исследователя современного этимологического словаря открывает возможности серьезного развития этимологии языка в различных аспектах.

В силу общеизвестных причин и специфики развития нашего языкознания в целом за последние десятилетия к работе по этимологии славянских языков в настоящий момент у нас оказались привлеченными молодые, преимущественно начинающие специалисты. В частности, как курьез можно отметить, что эта старейшая область сравнительного языкознания по юности своих адептов у нас может успешно соперничать с такой совсем молодой наукой, как математическая лингвистика. Нормальным это явление можно признать, по-видимому, только для последней. Для планирования работы молодых специалистов по этимологии славянских языков в ряде случаев оказывается характерным выделение в качестве основной задачи на ближайшее время составление этимологического словаря языка. Подобный выбор, разумеется, трудно назвать неактуальным: кроме того, можно вполне понять, что широкая научная общественность ждет от этимологов Украины и Белоруссии скорейшего создания украинского и белорусского этимологических словарей. Одним словом, руководство Института языкознания им. А. А. Потемби АН УССР и Института языкознания им. Я. Коласа АН БССР в принципе было право, запланировав создание в ближайшие годы этимологических словарей. Реальная сторона дела заключается в том, что такой крупнейший по научной сложности и объему труд, как этимологический словарь, явится в обоих случаях по сути если не первой пробой пера, то во всяком случае первой значительной работой молодого ученого. Это достаточно серьезные факты, имеющие прямое отношение к качеству будущего труда, если учесть, что именно начальному этапу формирования молодого научного работника естественно присущи бурные темпы накопления научного опыта и другие «трудности роста», менее всего удобные при составлении этимологического словаря. Понятно поэтому, что успешное выполнение задачи создания этимологических словарей сопряжено на данном этапе с немалыми трудностями. С другой стороны, вынужденный практицизм планирования до известной степени сковывает силы молодых ученых, подчиняя их интересы всепоглощающей работе над словарем и, естественно, затрудняя им обращение к другим важным, более разнообразным и вместе с тем более удобовыполнимым темам по этимологии. Однако в целом, видимо, положение таково, что, даже отдавая себе отчет во всех трудностях и даже возможных неудачах, начатую работу по подготовке этимологических словарей как украинского, так и белорусского языков нужно обязательно довести до конца. Тем более отрадно поэтому отметить первые успехи в этом направлении. Так, можно не колеблясь назвать удачным первый выпуск «Краткого этимологического словаря украинского языка» (*A—безбеш*), подготовленный к печати Р. В. Кравчуком (Институт языкознания АН УССР, Киев).

Помимо основной настольной книги этимолога — этимологического словаря соответствующего языка — успешная работа по этимологии зависит

от наличия разнообразных прочих справочников. Первостепенное значение полного исторического словаря языка для этимологизирования хорошо известно. Однако в действительности мы имеем: по русскому языку — «Материалы» И. И. Срезневского, охватывающие, главным образом, собственно древнерусский период, тогда как лексический материал более поздних веков, имеющий нередко решающее значение для этимологии слов самого различного происхождения, остается по-прежнему неизданным; по украинскому языку в распоряжении исследователей имеется по-прежнему только «Исторический словарь украинского языка» Тимченко, публикация которого осталась в самом начале алфавита. Для белорусского языка мы лишены и этого немногого. Не менее насущна потребность этимолога в возможно более полных словарях диалектной лексики. Материалов по словарю народных говоров русского, украинского и белорусского языков опубликовано и публикуется очень много, но пользование этими многочисленными словарями, появившимися в разных изданиях, очень затруднено. Весьма полезно было бы получить в будущем для каждого языка объединенный в одном издании свод, который бы включал критически обработанные материалы по областной лексике, т. е. в первую очередь материал всех соответствующих публикаций, пополненных при возможности дополнительными изысканиями (ср., например, план, разработанный Ф. П. Филиным). Очевидно, подобные своды будут содержать довольно полные сведения об ареалах областной лексики во всем ее многообразии.

В целом ясно, насколько реальные условия работы этимолога далеки от идеальных. В этой связи уместно коснуться вообще состояния этимологии у нас в настоящее время. О положении с этимологическими словарями всех языков восточнославянской группы уже было сказано выше. В Москве (Академия наук СССР) запланирован на начало 1970-х гг. выпуск этимологического словаря славянских языков. Запланированный этимологический словарь славянских языков, как известно, будет далеко не первым трудом, носящим это название; он будет, по-видимому, обладать существенными отличиями от известных работ на эту тему. Современный уровень науки требует, чтобы это был, так сказать, праславянский этимологический словарь; понятие «праславянский» понимается как достаточно широкое, с обязательным включением древних лексических регионализмов и диалектизмов, выдержавших доступную хронологическую проверку. Некоторые предварительные наблюдения, публиковавшиеся ранее и встретившие одобрение, позволяют думать, что число древних слов, не имеющих общеславянского распространения, будет довольно внушительно. Так, если в каждом случае около сотни непроезженных слов (со значительными допустимыми колебаниями в ту или другую сторону), будучи древними, являются только русскими или только польски-

ми, или чешскими, то эта лексика представляется уже значительным компонентом будущего словаря. Принцип хронологической проверки будет применен и к заимствованиям, причем, вероятно, с особой строгостью.

Параллельно будут продолжаться этимологические исследования тематических групп лексики славянских языков. Такие работы представляются наиболее удобными в плане перспективы подготовки этимологического словаря славянских языков. Необходимость подойти к материалу не с точки зрения разобщенного семантически алфавитного словника будущего словаря, а с совершенно другой — смысловой стороны — представляет выгодные преимущества. Наличие взаимосвязи между словами, образующими смысловые группы, своеобразное равновесие внутри этих групп оправдывают такую форму с точки зрения лингвистической; общность культурного фона служит убедительной аргументацией с точки зрения реалий, все вместе взятое обеспечивает многостепенность контроля результатов исследования и приносит этимологии максимальную достоверность решений. Этимологическое исследование тематических групп лексики лучше всего позволяет нащупать типичные переходы значений и применить с пользой наблюдения над семантическими закономерностями в других близких случаях. К сожалению, у нас исследования тематических групп лексики пока крайне немногочисленны (ср. работу Булаховского об общеславянских названиях птиц, ряд статей Гринковой, далее — Богородского по мореходной терминологии, Меркуловой о некоторых названиях растений, по украинскому языку — ряд статей Дзэндзелевского и Бурячка). Некоторые диссертации по истории русского языка посвящены аналогичным проблемам, например бытовой лексике определенной эпохи или определенного круга памятников.

Правда, этимологическая часть при этом бывает выполнена нередко на довольно низком уровне.

Обращаясь к монографическим исследованиям по этимологии отдельного слова, мы также должны будем констатировать незначительный еще пока объем продукции на соответствующие темы в нашей научной литературе. Этот факт служит свидетельством недостаточной интенсивности этимологических исследований в нашей стране. Следует подчеркнуть, что из всех форм этимологического исследования статья по этимологии отдельного слова, иначе говоря — этимология такого-то слова, представляет собой наиболее полное выражение сущности этимологического исследования. Она является, кроме того, основным конструирующим элементом двух других, уже упоминавшихся выше видов этимологического исследования: этимологического словаря и этимологического исследования тематической группы лексики. Большинство работ о происхождении отдельных слов, публикуемых у нас, носит скорее лексикологический, а не этимологический характер. Таковы,

например, работы Шанского. Сюда можно причислить также ряд конкретных словообразовательно-лексикологических заметок по русскому языку Виноградова, М. А. Соколовой. Смешанный характер имеют работы Ларина, обычно включающие значительный сравнительно-исторический материал. Особо можно упомянуть обстоятельную работу покойного Чичагова о слове *ружьё*, в которой собственно происхождение слова *ружьё* сознательно используется автором лишь как призма для наблюдения над рядом общих вопросов истории русского языка. Можно было бы назвать и некоторые другие примеры эпизодического вторжения в этимологию и ее периферийные области отдельных русистов-лексикографов. Специально нужно назвать многочисленные работы А. С. Львова, занимающегося активно старославянской этимологией. Лиц, которые выступают с работами по этимологии в республиканских лингвистических центрах, можно перечест по пальцам (например, в последнее время статьи по этимологии Кобылянского, Ткаченко и некоторых других на Украине, Крапивина и Вержбовского — в Белоруссии, Супруна — Фрунзе). Уровень этимологического анализа в этих работах невысок. Со статьями по этимологии выступает в последнее время профессор Черных (его поиски исконно славянской этимологии слова *варяг* нельзя, однако, считать удачными). Здесь можно еще упомянуть ряд работ ленинградского ученого Попова, активно занимающегося топонимикой Европейской России, вопросами финно-угроведения и исследованием лексики восточноевропейских языков. В целом, все работы по этимологии носят более или менее локальный характер и решают вопросы происхождения конкретных русских, белорусских и украинских слов. Вопросы славянской этимологии с широким привлечением индоевропейского материала пользуются незначительной популярностью.

Это зависит не столько от выбора слов, сколько от узости сравнительной базы.

Вышеизложенные наблюдения говорят о том, что нам еще многого недостает для того, чтобы поднять научный уровень нашей этимологической продукции, а вместе с тем и ее эффективность, а также удельный вес в общей лингвистике. Отставание это, нетерпимое по ряду принципиальных соображений, досадно еще и потому, что среди читателей и научной общественности вопросы этимологии пользуются живым интересом. Между тем у нас почти не известен вид этимологического исследования по принципу «слова и вещи», плодотворность которого для изучения названий реалий несомненна и далеко не исчерпана (ср. единичные опыты Абаева и др.). Заметим, что это лишь одна сторона широких возможностей контакта этимологии с историей и этнографией.

Поскольку в центре нашего обсуждения неизменно мыслятся нужды этимологии восточнославянских языков, целесообразно затронуть вопрос о дополнительных или косвенных ресурсах в реальных условиях сложной лин-

гвистической и этнической ситуации Восточной Европы. Речь идет, например, об учете многообразного вклада языка балтийского населения в говоры восточных славян и в восточнославянскую ономастику в широком смысле слова, почему важно учитывать материалы по балтийским языкам и их этимологии, соответствующую литературу и словари. Далее, имеются в виду исключительно разнообразные контакты со всеми представителями финно-угорской семьи языков (лексические связи западнофинских языков с русским изучены хорошо, однако существенные коррективы возможны и здесь, о чем свидетельствует хорошая этимология, предложенная в последнее время Меркуловой для слова *пихта*). Далее, постоянно должны учитываться лексические связи — главным образом русских диалектов — с мордовскими языками, марийским языком, пермскими (удмуртским и коми). Нельзя сказать, чтобы материалы по этим языкам были удобно представлены в доступных изданиях, скорее наоборот. Немалый интерес поэтому вызывает известие о намерении наших финно-угроведов выпустить этимологический словарь коми языка. Наличие надежных справочников, облегчающих ориентацию, могло бы выявить немало находок по этимологии темных пока еще слов. Вопросами связей с обско-угорской группой у нас обстоятельно занимается в последнее время молодой исследователь Матвеев (Свердловск). Что касается контактов с венгерским языком, то более или менее регулярно они имеют место лишь в отношении к украинскому языку, западные диалекты которого содержат ряд венгерских заимствований.

Исключительно важное значение для раскрытия этимологии большого числа слов в славянских, конкретнее — в восточнославянских языках имеет учет разнообразных лексических проникновений из тюркских языков. Эти вопросы пользовались всегда вниманием русских этимологов, тем не менее можно без преувеличения сказать, что мы попросту еще недооцениваем размеры этих влияний и не всегда отдаем себе отчет в том, как много еще предстоит здесь сделать. Наиболее крупная публикация последних лет на эту тему — посмертная статья Дмитриева о тюркских элементах русского словаря (Лексикографический сборник. 1958. Вып. 3) — может считаться сразу же устаревшей. Правда, изучение этих проблем сопряжено со значительными объективными трудностями; как известно, лексика самих тюркских языков изучена далеко недостаточно. Больше того, тюркологи сами многого ждут в этом отношении, в частности от изучения восточнославяно-тюркских лексических общений. Удобные справочники и современные этимологические словари по тюркским языкам почти полностью отсутствуют. Но, вероятно, уже в скором будущем положение улучшится, потому что сектор тюркских языков Института языкознания АН СССР активно работает в течение ряда лет над этимологическим словарем тюркских языков. В нашей печати сооб-

щалось, что готовится также особый этимологический словарь чувашского языка. Можно думать, что русская и в целом славянская этимология пополнится еще не одним десятком достоверных толкований слов, заимствованных из тюркских языков, включая сюда и весьма древние элементы восточнославянского словаря и слова, наименее всего подозревавшиеся ранее в заимствовании из названного источника.

Полезным может оказаться, далее, изучение материалов по лексическим отношениям с североиранскими языками, о чем немало указаний можно почерпнуть из знакомства с осетинской этимологией, которая у нас представлена важными трудами Абаева. «Историко-этимологический словарь осетинского языка» (Т. 1. 1958), принадлежащий перу последнего, заслуживает самого пристального внимания всех, кто интересуется этимологией восточнославянских языков, поскольку Абаев привлекает и этимологизирует большое число русских и других диалектных слов. Все мы ждем с нетерпением выхода второго тома этого словаря.

Обрисовав современное состояние славянской этимологии в нашей стране, остановимся коротко на принципах этимологических исследований. При этом вполне логичным представляется изменить преимущественному аспекту настоящего сообщения и отвлечься от конкретных вопросов состояния данной науки у нас. К тому же, например, разработка принципов этимологического исследования на материале славянских языков не привлекала до сих пор внимания наших исследователей. Редкие работы на эту тему построены на материале других языков (ср. *А. А. Белецкий*. Принципы этимологических исследований. Киев, 1950). Особняком стоит статья Торопова «О некоторых теоретических основаниях этимологического анализа» (ВЯ. 1960, № 3), представляющая собой первую попытку систематической переформулировки существующих понятий и принципов этимологии в духе структурного языкознания. При всей несомненности научно-теоретического значения этой работы, внимательное знакомство с ней оставляет довольно стойкое впечатление отсутствия существенных противоречий между лучшими из сложившихся в практике этимологизирования принципов, с одной стороны, и формулируемыми в данной работе принципами — с другой, при условии, если конструктивная сущность последних достаточно четко уловима. Таковы — на выбор, без строгой последовательности — принцип сравнения целых совокупностей элементов, а не изолированных единиц; задача определения участия различных компонентов, входящих в различные системы соответствующего отрезка истории языка, в акте образования данного слова вместе с задачей изучения дальнейшего развития слова: вспомогательная задача разработки в каждом отдельном случае возможно более сложной системы проверки (вопросов) с целью устранить или уменьшить субъективный фактор при выборе решений.

Собственно говоря, попытки синтезировать наблюдения над принципами этимологических исследований на материале славянских языков отсутствуют как будто и за рубежом. Мы воздержимся от рассуждений о том, говорит это или не говорит об относительной незрелости славянской этимологии. Важно прежде всего отметить, что ее принципы вполне поддаются формулировке. Во многом существенном это будут, разумеется, некие общие принципы этимологического исследования, приложенные к славянскому материалу.

Едва ли имеются основания утверждать, что в последнее время происходит сокращение исследований по славянской этимологии в целом. Напротив, после войны эта область славянского языкознания развивается весьма успешно. Показательно, что именно за последние годы окончательно сложился такой новый в славянской этимологии вид исследования, как монографический этимологический анализ определенной тематической группы лексики. Кроме того, достаточно интенсивно продолжают развиваться другие формы этимологических исследований, в первую очередь — этимологические словари славянских языков. Концепция этимологического словаря в славянской лингвистике тоже прогрессирует. Быть может, не лишено смысла и такое, казалось бы, внешнее условие, как вопрос о лицах, занимающихся славянской этимологией. Если раньше специализация преимущественно в области этимологии не имела места, а этимологией, как известно, занимались слависты весьма широкого профиля в порядке оформления попутных наблюдений, *πάρρησις*, то сейчас все более обычной, очевидно, будет становиться вполне определенная специализация слависта-этимолога. Необходимость постоянно учитывать материал и развитие других областей языкознания и других наук приобретает при этом особое значение.

По-видимому, и упомянутая четкая специализация этимологии, и это второе условие, которое можно формулировать как необходимость, говоря словами одного ученого, «перебросить мосты» между различными областями науки, являются знаменем времени.

Другим положительным фактором развития современной славянской этимологии следует считать апробацию на практике основного инвентаря исследовательских приемов и главных направлений этимологических исследований славянских языков. На вопрос об основном источнике исследовательских возможностей славянской этимологии удобнее ответить, прибегнув к методу исключения. Так, очевидно, сюда не относятся такие возможности периферийного значения, как апеллирование к субстрату, к экспрессивным фонетическим изменениям, к реалиям и другим моментам внеязыкового порядка, наконец, своеобразное наивное этимологизирование. Корни каждого из этих частных направлений гораздо индивидуальнее и субъективнее, чем иногда думают, и сами эти направления не могут служить достаточным осно-

ванием для мрачных прогнозов о судьбах славянской этимологии в целом. То, что, например, Вайян эволюционировал от традиционной по методу этимологии *дождь* < *dus-diu-s к этимологическим юморескам типа *котора* 'вражда' < *которати* с *а*, *которыи*, *котерыи*, — это вопрос, главным образом, творческой эволюции самого ученого. Впрочем, он сам с достаточной свободой откладывает их в сторону, чтобы выступить во всеоружии современной этимологии с ее первоочередным вниманием к словообразовательному оформлению (ср. этимологию *печатальти* < *печаталь из тюркского слова с суффиксом *-li*), чем в немалой степени усложняет труд каждому, кто пожелал бы сделать на основании этих частных фактов вывод об общей эволюции этимологии. Основной, хотя, разумеется, не единственный источник исследовательских возможностей славянской этимологии, ее базу составляют достижения сравнительно-исторического языкознания. Вместе с тем было бы неправильно отворачиваться от пересмотра ряда приемов, направленного на их улучшение.

Сравнительно-историческое языкознание дает славянской этимологии ряд конкретных сведений, подробный перечень которых занял бы здесь слишком много места и опускается поэтому как достаточно широко известный. Можно ограничиться здесь лишь общим замечанием, что эти сведения характеризуют отношения между языками в плане генетического родства и в плане контактов (заимствования) и относятся, главным образом, к области фонетики и морфологии. Но поскольку этимология не может ограничиться только сведениями грамматического порядка и в значительной мере определяется сведениями из таких областей, занимающих более или менее автономное положение относительно уже названных, как словообразование, лексикология и семасиология, которые в историческом аспекте представляются наименее разработанными, можно думать, что отношение именно к этим разделам наиболее существенно при формулировке принципов современного этимологического исследования. Другими словами, в целом план слова, его словообразовательной структуры и семантической характеристики подчиняет себе грамматический план.

Так, например, взаимоисключающая фонетическая характеристика, согласно которой звуки *b* и *m* никогда не вступают в отношение чередования друг с другом в славянском и, напротив, образуют отношение чередования в тюркских языках, целиком принадлежит к сфере славянской или тюркской фонетики. В то же время вопрос о происхождении русских слов, явно связанных друг с другом и одновременно содержащих упомянутое чередование согласных (*бусор*, *бусырь*, *бусир* : *мусор*), целиком входит в ведение этимологии, которая допускает для них заимствование из тюркских диалектных вариантов *büsr / *müsr- (откуда происходит также *бусеп*).

Что касается характера взаимосвязи между изучением словообразования и этимологии, то здесь самостоятельность и особая роль этимологии проявляются особенно убедительно, поскольку этимология в данном случае может выступать в качестве важного источника информации о словообразовательных типах и формантах, функционировавших в предшествующие периоды истории языка. Именно в свете этимологии очевидна ошибочность точки зрения Вайяна о том, что славянское *къ* может выступать только как предлог (из первоначального послелого) и не выступает как приставка, в чем Вайян вслед за Бенвенистом усматривает черту близости с иранскими (согдийскими) фактами. Однако это мнение обладает лишь кажущейся очевидностью, потому что существует значительное количество этимологически выявимых случаев как глагольной, так и именной приставки *къ* (ср. сербохорв. *кнадити*, рус. диал. *конозить* (*каназить*), слав. *kǫdelь*, *kǫdьrja*, рус. *ка-н-дёр* и др.)

Еще более интимна связь этимологии с вопросами лексикологии в целом и семасиологии. Для отношений этимологии с последней из названных дисциплин характерна форма обратимости: вероятные конкретные наблюдения над переходами значений могут быть использованы как решающая аргументация для этимологических сближений слов при остальных положительных условиях. Опасность порочного круга при этом, по-видимому, практически невелика, поскольку о конкретном характере и направлении семантического перехода можно говорить, когда известны по крайней мере два самостоятельных примера его осуществления на материале различных морфем. В действительности число примеров (а вместе с тем и возможность проверки) бывает нередко гораздо выше. Лексикологический и семасиологический аспекты вплетаются в этимологию на каждом шагу и присутствуют при оценке огромного множества ситуаций. Их использование облегчает объяснение ряда фактов внешней, фонетической формы. Такими представляются различные метатезы звуков, вызванные мотивами табу или сходными, вторичные долготы гласных, закрепление различных фонетических вариантов слова за разными значениями и т. д. Вообще, чем менее регулярный характер носит фонетический факт, тем, как правило, значительнее его семантическое наполнение. Сказанное непосредственно подводит нас к одному из важнейших вопросов этимологического исследования. Говоря о принципах этимологического исследования, следует акцентировать, может быть, настойчивее, чем это обычно делалось прежде, необходимость дифференцированного их применения, что опять-таки логически следует из самой природы слов и их оформления и употребления.

Дифференцированное применение принципов этимологического исследования предполагает постоянный учет различной степени обобщенности вскрываемых в слове изменений. Это важно иметь в виду, поскольку нео-

правданное обобщение более или менее узко локализованных процессов ведет к ошибочности этимологии. Наибольшую степень обобщенности обнаруживают, по-видимому, кардинальные фонетические изменения и соответствия, максимально свободные от семантической нагрузки. Другая противоположность им — семасиологические изменения и соответствия — обладает наименьшей степенью обобщенности, поэтому важные сами по себе для этимологии семасиологические наблюдения тем надежнее, чем они конкретнее. Более общие семасиологические закономерности типа «от конкретного к абстрактному» имеют довольно небольшое практическое значение и решительно проигрывают в сравнении с конкретными наблюдениями, например: ‘сильный, резкий’, ‘сильно, резко’ > ‘очень’; ‘рождать(ся)’ > названия различных частей тела; ‘совершать жертвенные возлияния’ > ‘взывать, петь’; ‘поить’ > ‘паять’ и многие другие. Из формальных изменений и соответствий приближаются к семасиологическим по степени обобщенности, по-видимому, те, которые несут бóльшую семантическую нагрузку, о чем уже говорилось выше. Это означает необходимость максимально конкретного, зачастую индивидуального этимологического анализа экспрессивных слов и вместе с тем — ошибочность произвольного обобщения наблюдаемых конкретных случаев на неограниченное число других (таков принципиальный недостаток работ ряда этимологов, главным образом в Чехословакии). Вместе с тем разумное выявление конкретных изменений, заряженных значительной дозой экспрессии, может быть весьма плодотворным как раз при этимологизировании слов ограниченного употребления и, возможно, позднего происхождения. В этом смысле оказывается удачной именно этимология рус. диал., укр. *шкапа* (также в ряде западнославянских языков), предложенная Махеком, — от глагола *скопить, оскоплять*, способного, вероятно, давать производные со значением ‘неповоротливое животное’. Что касается изменения *c > ш* (или точнее *ск- > шк-*) и некоторых других, их следует расценивать как локальное выражение экспрессивности и не более.

Можно надеяться, что учет всего комплекса возможных изменений и соответствий и их специфики составит надежную базу для плодотворных этимологических исследований с достаточно высокой объективной ценностью результатов исследования.